

— А какъ же, бояринъ,—отвѣчалъ слѣпецъ:—спокоитъ-вѣку такъ повелось—отъ дѣдовъ и прадѣдовъ нашихъ: Хлыповъ—меньшой братецъ Великому Новгороду.

— И мнѣ то жъ сказывали новгородцы,—поддержалъ слѣпца князь Холмскій.—Мнѣ и посадница Марѳа не разъ про родство Хлынова съ Новымъ-городомъ говаривала. И чудно такъ—словно сказка.

— Не сказка, бояринъ батюшка, а былъ исконная,—настаивалъ слѣпецъ.

— Такъ ты расскажи, старче, а мы послушаемъ,—возвысилъ голосъ хозяинъ князь Щеня.—Поднесите имъ еще пива,—сказалъ онъ холопамъ.

Калики переходіе снова осушили по ковшу пива.

— Давно это было,—степенно началъ слѣпецъ.—Не сто и не двѣсти лѣтъ, а може—съ полутысячи годовъ тому будетъ. Воевалъ тады господинъ Великій Новгородъ чудъ бѣлоглазую. Всѣ мужіе новгородскіе, и старъ и младъ, ушли на войну. Не годъ, не два воевали, а поди—годовъ пять. И соскучились въ Новѣ-городѣ бабы по мужьямъ. Знамо-дѣло женское, плоть бабья—несутерѣчивая.

— Такъ, такъ,—согласился Морозовъ:—въ писаніи убо сказано: „баба—сосудъ сатаны“.

— Не всякая баба такова,—возразилъ князь Холмскій.—Ну, и что же далѣ?—обратился онъ къ слѣпцу.—Сказывай, старче.

Слѣпецъ помоталъ головой и развелъ руками.

— А тутъ, господа почестные, вышло какъ-будто и по писанію,—раздумчиво проговорилъ онъ:—бабы-то Новгорода, точно, горшкомъ чортовымъ оказались. Со скуки-то по мужьямъ и сошлись многія изъ нихъ—и боярскія жены, и служилыхъ людей, и смерды—сошлись, такъ бы сказать съ молодью безбородою, что еще и въ походахъ не бывала.

— Такъ, такъ,—опять угрюмо замѣтилъ Морозовъ:—знамо, молодое-то, безбородое слаще меду бабѣ.

— А тебѣ, небось, недолѣтокъ-дѣвка, въ тринадцать-четырнадцать годковъ, не слаще бабы супоросой али стельной?—ехидно улыбнулся князь Холмскій.

— Полно-ка суперечить, гости дорогіе,—вмѣшался хозяинъ.—Веди до конца твой сказъ, старче Божій,—молвилъ онъ слѣпцу.

— Такъ вотъ, господа почестные,—продолжалъ послѣдній:—воевали это мужи новугородскіе чудь бѣлоглазую пять годовъ...

— Ровно семь годковъ, старики баяли,—подсказалъ одинъ изъ зрячихъ каликъ.

— Инъ пушай семь,—согласился слѣпецъ.—Въ эти-ту семь годковъ жены новугородски и прижили съ молодью дѣтокъ... Какъ тутъ быть?.. Воротятся мужья—найдутъ приплодъ...

— Плохо дѣло,—замѣтилъ Морозовъ.

— Чего плоше!—согласился слѣпецъ.

— Стало-быть—либо въ прорубъ головой, либо наутекъ съ молодью и приплодомъ.

— Такъ мнѣ и посадница Марѳа сказывала,—подтвердилъ князь Холмскій.

А слѣпецъ продолжалъ:

— Знамо дѣло: новугородцамъ не привыкать было стать ушкуи строить... И понастроили, оснастили, запаслись зельемъ пороховымъ, пушками со стѣнъ городскихъ, захватили рухлядь, весь обиходъ, казпу, помолились у святой Софій Премудрости Божьей, да и вышли Волховомъ-рѣкою въ Ильмень, а Ильменемъ въ Ловать-рѣку, а изъ той Ловати волокомъ переволоклись на Волгу...

— Точно, точно,—говорилъ князь Холмскій:—такъ и ушкуйники встарь дѣлывали.

— Да и Василій Буслаевъ со своею удаleyю,—подсказалъ князь Щеня.—Этотъ и до Ерусалима-града доходилъ, и въ Ердань-рѣкѣ крестился.

Всѣ были сильно заинтересованы рассказомъ слѣпца.

— Ишь ты! и впрямь Хлыновъ-градъ Великому Новгороду братъ.

— Такой же разбойникъ, какъ и старшій братецъ: что отъ него терпятъ вологжане, устюжане, каргопольцы, двиняне, вожане, даже тверичи—не приведи Царица Небесна!

— Надо бы его ускромнить, какъ ускромнили и Новгородъ и Псковъ.

— А поди и у нихъ есть своя Марѳа посадница—у хлиповцовъ ту у этихъ.

— Какъ не быть! Вездѣ баба! Сказано: „сосудъ сатаны“.

Въ это время князь Холмскій обратился къ боярину Шестаку-Кутузову:

— Онамедни на тебя, бояринъ, намекалъ великій государь,—сказалъ Холмскій.—Кажись, тебя удумалъ государь послать подъ Хлыновъ съ ратными людьми.

— Ой ли!—обрадовался Шестаку-Кутузовъ.—Пошли, Господь! Пора бы и мнѣ косточки поразмять на Камушкѣ-рѣкѣ.

— Какъ князь Данило на Шелони,—улыбнулся хозяинъ, указывая на Холмскаго.

— Гдѣ намъ царски шти хлебать!—скромно отмахнулся Шестаку-Кутузовъ.

Въ этотъ моментъ дверь столовой палаты растворилась, и на порогѣ показался новый гость, сухое, пергаментное лицо котораго обличало либо великаго постника, либо челоуѣка

заработавшагося; зато этотъ изсохшій, иконописный ликъ освѣщали живые, ясные глаза.

— А! кумъ Оедоръ!—радостно воскликнулъ князь Щени:—добро пожаловать... Что такъ опоздалъ?

— У великаго государя на духу былъ,—отвѣчалъ пришедшій, кланяясь гостямъ князя Щеняти.

— Добро... Выпей первѣе, куманекъ: на духу у великаго государя былъ—чаю, умаялся... Онъ попъ у насъ строгій... Чаю, и горло промочить тебѣ пора.

— А у тебя и калики перехожіе,—замѣтилъ пришедшій.—Откедова?

— Изъ Хлинова-града,—отвѣчалъ хозяинъ.

— А!.. Изъ Хлинова?—и пришедшій какъ-то загадочно улыбнулся.

Къ нему подошелъ князь Холмскій.

— Ну, друже мой искренній,—сказалъ Холмскій:—ты кстати пришелъ... Ты и великій книгоцѣй, и голова твоя что вся царская дума... Ты намъ поразскажешь про Хлиновъ-градъ.

Пришедшій снова загадочно улыбнулся, взглянувъ на калики перехожихъ.

II.

Про святорусскую старину.

Пришедшій былъ знаменитый думный дьякъ Курицынъ Оедоръ—правая рука государя и великаго князя Ивана Васильевича III, „собирателя русской земли“.

Когда дьякъ поздоровался со всѣми и перемолвился нѣсколькими словами, князь Холмскій снова заговорилъ съ нимъ.

— Вотъ эти калики,—сказалъ онъ,—повѣдали намъ, откуду

пошла есть вятская земля и городъ Хлиновъ, какъ бы стольный ея градъ, да и посадница Новгорода, Марѳа, сказывала мнѣ то же: отъ незаконнаго-деи сожителства новгородскихъ женъ съ молодью въ то время, когда мужіе новгородскіе семь годовъ воевали чудь бѣлоглазую. Такъ ли это?

— Такъ ли оно въ точности—того не вѣдаю, дорогой князюшка,—отвѣчалъ дьякъ.—Но такое сказаніе, точно, имѣется, а лѣтописецъ вятской земли оставилъ намъ и повѣсть временныхъ лѣтъ той земли. Какъ бы то ни было, а только оны хлиповцы, вышедъ своими ушкуями на Волгу, благополучно доплыли до Камы-рѣки.

— А что жъ смотрѣла Тверь?—перебилъ дьяка бояринъ Морозовъ... Тягалась съ Москвою, а не могла перенять бѣглецовъ... А Нижній?.. А Казань?

— Да Казани въ тѣ поры и не было,—отвѣчалъ дьякъ.—Ее срубили ужъ татары, что какъ стоя волковъ нагрянули на Русь-матушку.

— И точно,—замѣтилъ князь Щепя:—витъ и ушкуйники споконъ-рѣку ходили на Волгу, и никто оныхъ добрыхъ молодцовъ не перепенялъ, да и Васька Буслаевъ тожъ пошаливалъ на Волгѣ.

— Такъ доплыли, сказываешь, до Камы-рѣки, а далѣ что?—пестерпѣливо допрашивалъ князь Холмскій.

— Далѣ... вошли въ Каму,—продолжалъ Курицынъ,—срубили себѣ городокъ... Лѣсу имъ не занимать стать. Но тутъ,—говорить лѣтописецъ,—прослышали они, что еще далѣ есть привольныя земли, да и оставаться на Камѣ было опасно: Камаден—вольная путина для всѣхъ. Опасались, что-деи и новгородцы пропюхаютъ, гдѣ ихъ жонушки...

— Сосудъ сатаны... сосудъ сатаны:—бормоталъ Морозовъ.

— Они и двинулись вверхъ по Камѣ,—продолжалъ дьякъ,—

токмо не всё, а большая, однакожь, половина. Пловучи далѣ Камой, они разоряли и жгли становища вотяковъ, и дошли до высокой горы, а на той горѣ—видятъ—стоитъ городъ—укрѣпа вотяцкая. Какъ быть? Укрѣпа сильная, не одолѣть ее имъ. И положили тутъ сіи ушкуйники зарокъ великій: не пить-деи и не ѣсть, доколѣ не добудутъ города. Это было передъ днемъ памяти святыхъ Бориса и Глѣба. И начали молиться угодникамъ наши ушкуйники, и угодники помогли имъ.

— Святители Борисъ и Глѣбъ искони наши заступники передъ Господомъ,—замѣтилъ Шестакъ-Кутузовъ:—благовѣрно-му Александру Невскому они жъ помогли на проклятыхъ свеевъ.

— Вѣдомо вамъ сіе мѣсто?—спросилъ князь Щеня каликъ переходящихъ..

— Вѣдомо, батюшка князь,—отвѣчалъ слѣпой:—наши дѣды и прадѣды назвали въ тѣ-поры тотъ городокъ Болванскимъ, потому какъ они нашли тамотка болвановъ-боговъ вотяцкихъ,—ну, и назвали тотъ городъ Болванскимъ, а нынѣ тамъ нашъ городъ Никулицынъ слыветъ.

А дьякъ Курицынъ продолжалъ:

— И построили ушкуйники въ томъ Никулицынѣ церковь святыхъ Бориса и Глѣба, памятуючи ихъ помощь себѣ. А вотяковъ многое множество перебили, остальные же разбѣжались. Провѣдали тогда тѣ изъ ушкуйниковъ, что осѣли на Камѣ, про побѣды своихъ братьевъ и тоже, покинувъ свой городокъ, поплыли вверхъ по Камѣ, а изъ Камы вошли въ Вятку-рѣку. Тамъ втѣпоры сидѣли черемисы, и укрѣпа у нихъ была—городокъ Каршаровъ.

— Ладно,—перебилъ повѣтствователя хозяинъ:—у тебя, поди, въ горлѣ пересохло,—такъ надоть выпить.

И князь Щеня кивнулъ дворецкому. Тотъ самъ налилъ дьяку чару вина и подалъ съ поклономъ.

Выпивъ чару, Курицынъ продолжалъ, точно читая по книгѣ:

— Какъ добыть Каршаровъ? А святые Борисъ и Глѣбъ на что? И стали наши ушкуйники молиться угодникамъ,—и угоднички помогли. Напустили они на черемись видѣніе, бытто на нихъ идутъ несмѣтныя рати, и убоялись поганые сироядцы и бѣгу всѣ яшася. И изъ Каршарова сталъ городъ Котельничъ.

— Это ужъ опосля назвали его Котельничемъ,—замѣтилъ слѣпой калика:—тамотка нашли наши дѣды мѣдъ и желѣзо и учили дѣлать котлы знатные, и съ той поры Каршаровъ сталъ Котельничимъ.

— Такъ, такъ,—подтвердилъ старый дьякъ.

— А что жъ Хлиновъ-градъ, далеко еще до него?—спросилъ Морозовъ.

— Близехонько,—отвѣчалъ Курицынъ:—сейчасъ доплывемъ. И точно—доплыли наши ушкуйнички до нѣкоего мѣста и узрѣли высокую гору при впаденіи въ Вятку-рѣку рѣки Хлиновицы, а ту рѣку ушкуйники назвали такъ потому: по той рѣкѣ водились невѣдомо какія дикія птицы, коихъ крикъ пришельцамъ слышался якобы такъ: „хли-хли! хли-хли!“

— Есть такая у васъ птица?—спросилъ князь Щеня каликъ-перехожихъ.

— Може и есть, батюшка князь, а только мы не вѣдаемъ, про котору это птицу говорится,—отвѣчали калики-перехожіе:—може—выпь, може—гагара.

— Узрѣвши гору надъ рѣкою,—продолжалъ дьякъ,—ушкуйники и возлюбили то мѣсто. Осядемъ тутъ,—рѣшили они. И осѣли. И бысть новое тутъ чудо. Невѣдомо откуда пригнали,—надо полагать,—небесная сила, къ тому мѣсту такое великое множество готовыхъ бревенъ, что было изъ чего сру-

бить и дѣтинецъ, и земскую избу, и церковь Воздвиженія Честнаго Креста Господня.

Боярпѣ Морозовъ не вытерпѣлъ. Онъ ударилъ кулакомъ по столу и горячо проговорилъ:

— Нѣтъ, клязи и болре!.. Не небесная то сила пригнала къ нимъ бревна, а сила нечистая. Коли Господь сталъ бы помогать бабамъ, которыя законъ поломали мужей обманули, казну покрали!.. Знамо нечистая сила.. А все баба—сосудъ сатаны! Стали бы угоднички помогать блудницамъ вавилонскимъ—ни за какіе молебны!—А откелева они поповъ себѣ добыли?.. Тоже, чаю, бѣгле да съ чужими женами.

Въ это время дворецкій тихонько доложилъ что то своему господину.

— Гости мои дорогіе!—обратился послѣдній къ пирующимъ:—прослышала моя благовѣрная про вашъ приходъ ко мнѣ и похотѣла сама почтить васъ медами сладкими.

— Слава, слава княгинюшкѣ на добромъ хотѣньи!—воскликнули всѣ разомъ.

И тотчасъ изъ внутреннихъ покоевъ дородная княгиня выплыла точно лебедь бѣлая, а за нею холопы съ подносами, уставленными группою чаръ съ медами,—и началось потчеванье съ поклонами.

Угощая гостей, княгиня съ любопытствомъ поглядывала на каликъ-перехожихъ, ради которыхъ, собственно, она и вышла.

Когда холопы обнесли медами всѣхъ гостей, княгиня сказала дворецкому:

— Поднеси и странничкамъ, каликамъ-перехожимъ, а они намъ про старорусскую старину споютъ.

Выпили страннички, какъ-то лукаво переглянулись между собой, крякнули и слѣпецъ спросилъ:

— Про старину молвишь, княгинюшка?

— Про старину, старче Божій,—быль отвѣтъ.

По струнамъ домры тотчасъ ударили пальцы слѣпого, и онъ запѣлъ протяжно, торжественно, а зрячіе подхватили.

Какъ на славной было, братцы, на Сафать рѣкѣ.

Нездорово, братцы, учинилось,

Помутилась славная Сафать-рѣка,

Помѣшался славный богатырскій кругъ:

Что не стало большого богатыря,

Старого удала Ильи Муромца!

Ужъ вы, братцы, вы, товарищи!

Убирайте-ка вы легки струженьки

Дорогимъ сукопцемъ багрецовымъ,

Увивайте-ка весельчички

Аравитскимъ краснымъ золотомъ,

Увивайте-ка укрюченьки

Цареградскимъ крупнымъ жемчугомъ,—

Чтобы по почамъ онѣ не буркали,

Чтобъ не подавали ясака

Ко тѣмъ злымъ людямъ—татаровьямъ...

Всѣ сосредоточенно слушали стройное, за душу хватающее пѣніе, а клягиня сидѣла пригорюпившись и тяжело вздыхала, точно въ церкви на „страстяхъ“.

Это пѣлась былина о томъ, „какъ перевелись богатыри на святой Русѣ“.

Выѣхали въ чисто поле всѣ семь могучихъ богатырей съ Ильею Муромцемъ во главѣ, и едва всесвѣтнѣй хвостунъ Алеша Поповичъ громко воскликнулъ: „Подавай намъ силу хоть небесную, мы и съ тою силой, братцы, справимся“,— какъ навстрѣчу имъ „двое супротивниковъ“... То были ангелы, и богатыри ихъ не узнали... Завязался бой... Разрубилъ одного Алеша, а изъ одного—стало двое!..

Сколько богатыри ни рубили ангеловъ, а число ихъ все удвоилось...

И богатыри отъ ужаса окаменѣли!..

Калики переходіе кончили какимъ-то стономъ:

Съ тѣхъ-то поръ могучіе богатыри
И перевелися на святой Русь!
Тутъ богатырямъ и старинамъ конецъ...

Княгиня, подперевъ щеку рукой, горько плакала.

III.

Хлыновъ справляетъ Радуницу.

Мы въ городѣ Хлыновѣ.

Надъ Хлыновымъ бѣлая, ясная ночь сѣвера, когда заря съ зарей сходится. Съ ближайшаго луга, что упирается высокимъ берегомъ въ рѣку Вятку, несутся звуки веселыхъ пѣсень и визгъ „сопѣлей“ и „свистѣлей“, прерываемый по временамъ глухимъ гудѣніемъ бубна. Слышны мелодичные женскіе хоры попеременно съ мужскими.

Это хлыновцы справляютъ веселую Радуницу—канунъ рождества Іоанна Предтечи.

Въ это время въ самомъ городѣ, мимо церкви Воздвиженія Честнаго Креста, тихо бормоча про себя пробирается старичекъ въ одеждѣ черноризца и съ посохомъ въ рукѣ.

— Никакъ блаженный мужъ Елизарушка?—кликнулъ его женскій голосъ.

Старикъ остановился и радостно проговорилъ:

— Кого я зрю!.. Благочестивую воеводицу Ирину... Камо грядеши въ сію бѣсовскую ночь?

— И не говори, родной! И такъ-то горе на душѣ да душки невеселыя, а тутъ эта веселая Радуница спать не даетъ. А иду я за моей ягодкой Онюшкой: убивается она по батюшкѣ, такъ и пошла, чтобы горѣ размыкать, сюда въ церковь—помолиться да поплакать. Ужъ такъ-то она сокрушается по отцѣ. А ты зачѣмъ въ городъ да еще и на ночь?